

очевидцев Великой Отечественной войны часто встречается упоминание о том, что сообщение о нападении на СССР и капитуляции Германии они услышали по радио. Мемуары также позволяют определить эмоциональное отношение людей, например, к первой услышанной по радио передаче, к факту появления регионального телевидения, к участию в сооружении местного телецентра методом народной стройки и т.д.

В эту группу мы можем включить также воспоминания родственников журналистов. Так, в результате работы с Интернет-ресурсами нам удалось обнаружить сына К.М. Громовой – Ф.П. Тарасенко и связаться с ним по электронной почте. По нашей просьбе он написал свои воспоминания о матери, сообщил важные факты ее биографии и детали работы на посту редактора газеты «Советская Хакасия» в предвоенные и военные годы.

6. Мемуары журналистов, которые составляют наиболее ценную часть источников личного происхождения, используемых при изучении истории СМИ. Можно утверждать, что опубликованной является лишь крайне малая часть таких воспоминаний. Кроме того, формат газетных публикаций, радио- и телесюжетов часто не позволяет полностью раскрыть картину происшедших событий, передать весь спектр эмоций респондента. Это обуславливает необходимость самостоятельного сбора и записи воспоминаний очевидцев изучаемой эпохи. Непосредственное общение с ветеранами дает исследователю возможность руководить беседой, уточнять детали, факты, фамилии, имена. Кроме того, аудио- или видеофиксация разговора гарантирует точность его воспроизведения, ускоряет темп и сокращает время общения с респондентом, что особенно важно, например, из-за возраста и состояния его здоровья.

Так, записанные нами воспоминания ветеранов-журналистов А.К. Килижековой-Коковой, Е.А. Абдиной, Л.А. Полежаевой, Т.С. Ежовой значительно дополнили наше исследование истории СМИ Хакасии ценными фактами, не нашедшими отражение в архивных и других документах. Кроме того, общение с непосредственными очевидцами позволило уточнить уже имеющиеся сведения, проследить логическую связь ранее разрозненных событий, восстановить детали биографий и портретов журналистов советского периода. Особенно важной оказалась информация о личном взаимодействии сотрудников СМИ с партийными работниками и цензорами, об организации взаимодействия с аудиторией и внештатными авторами.

Основным недостатком мемуаров как источника, на который обращают внимание многие исследователи, является субъективизм авторов в изложении и оценках различных событий, поскольку большинство из них опирается на собственную память, а не на документы. Отсюда частая путаница в фамилиях, датах, названиях и прочие ошибки, которые не всегда можно проверить по другим источникам. Поэтому при использовании воспоминаний акцент нами делался на эмоциях респондента, его ощущениях по поводу тех или иных событий, личных реакциях на деятельность средств массовой информации в целом и публикацию отдельных материалов в частности.

Можно констатировать, что источники личного происхождения имеют важное значение в исследованиях по истории региональных СМИ. Многие важные моменты журналистской деятельности, особенности взаимоотношений субъектов массово-информационной деятельности, не зафиксированные в документах других видов, возможно восстановить благодаря очевидцам изучаемой эпохи.

1. Абдина, Е.А. Газета «Хызыл аал» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е.А. Абдина // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. – Абакан, 1995. – С. 111–120.
2. Громова-Тарасенко, К. В глубоком тылу... / К. Громова-Тарасенко // Советская Хакасия. – 1971. – 22 июня. – С. 2.
3. Маслов, М. В эфире – Абакан / М. Маслов // Советская Хакасия. – 1980. – 7 мая. – С. 2.

Амбарцумян К.Р. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения являются сферой активного междисциплинарного взаимодействия, что диктуется особенностью объекта исследования. Профессор Флорентийского университета Эннио ди Нольфо резонно отметил, что экономика, право и политология – это три главные гуманитарные науки, изучающие международную жизнь. В этом случае она рассматривается в синхронном разрезе. История обращается к тем же явлениям, но в диахроническом ас-

пекте, при этом из вышеперечисленных наук она формирует исследовательский инструментарий [4, с. 18].

Многообразие подходов и методов обусловило широту спектра источников истории международных отношений. Следует отметить, что источниковедение международных отношений представлено как отдельная область исследований в паспорте специальности Высшей аттестационной комиссии России «История международных отношений и внешней политики». Теоретическая разработка этого направления только начинается, и труды по нему встречаются довольно редко. Историки рефлексировали над проблемой источников истории международных отношений преимущественно в пределах конкретной проблематики. Сложившаяся ситуация представляется особенно парадоксальной с учетом того, что в ряде российских вузов преподается такая дисциплина как «Источниковедение истории международных отношений».

Таким образом, потребность в теоретическом осмыслении источниковой базы истории международных отношений очевидна. Более четкое понимание актуальности поднимаемой проблемы наступает при осознании того, что формирование корпуса источников напрямую определяет содержание международной жизни, исследуемой в исторической ретроспективе. Будет ли это история дипломатии, под которой Эннио ди Нольфо понимал исключительно «историографическую реконструкцию отношений между династиями, дипломатическими корпусами, министрами иностранных дел» (согласно наблюдениям историка, большая часть историографии международных отношений являет собой эту категорию исследований [4, с. 11]. Или целью ученого станет наполнение истории международных отношений разнообразными аспектами человеческой деятельности [4, с. 20]. Безусловно, конечный результат будет зависеть от выбора источников, и чем позднее изучаемая эпоха, тем шире комплекс исторических документов. Соответственно, отбор и ранжирование источников усложняются и имеют еще большее значение.

Предложенное Эннио ди Нольфо понимание сущности истории международных отношений дает возможность использования в исследовательских практиках всего видового разнообразия источников. В данном случае принято говорить о «дипломатических документах» (или «дипломатических источниках») [2, с. 82], которые выделяют в некий самостоятельный кластер в классификации исторических источников. Содержательное наполнение группы источников не имеет строгой определенности. И.Я. Биск под дипломатическими документами понимал источники, оставшиеся в результате взаимодействия органов и лиц, осуществляющих дипломатическую работу [1, с. 68–69]. Примерно такая же позиция обозначена в труде В.Ф. Коломийцева. Эннио ди Нольфо делит данную группу источников на официальные и неофициальные. В первом случае документы выпускаются «органами государственного субъекта» [4, с. 27].

Место источников личного происхождения внутри кластера дипломатических документов подвижно и не локализовано. Каждый автор, теоретизируя, определяет его по-своему. Э. ди Нольфо мемуары относил к категории неофициальных источников, переписку дипломатов, наоборот, идентифицировал как официальные документы. В.Ф. Коломийцев из источников личного происхождения к группе дипломатических документов причислил только переписку послов, министров иностранных дел и т.д. Частные письма в дипломатической практике он характеризует как полуофициальные документы, не лишенные при этом официального качества. Аргументируется данное понимание авторством главы или сотрудника посольства, деятельность которых в стране пребывания не может быть частной [2, с. 83]. И.Я. Биск также помещает переписку должностных лиц в корпус дипломатических документов, а мемуары идентифицирует как иной вид источника [1]. Таким образом, создается впечатление маргинального положения источников личного происхождения в иерархии источников истории международных отношений. В конкретно-исторической научной практике они оказываются востребованными, хотя часто как иллюстрация процессов, реконструированных на базе официоза.

Вполне закономерно рождается потребность соотнести сведения официальных источников с трактовками ситуации, процесса или явления конкретных исторических личностей, участвовавших или имевших отношение к изучаемой проблеме. В этой связи следует обозначить сознательность употребления термина «эго-документ», который привычнее для западной традиции, но в данной ситуации его этимология пришлась как нельзя кстати. Таким способом мы подчеркиваем постоянное присутствие «Я» и оказываемое им влияние на события международной жизни. С другой стороны, «Я» определяет и угол зрения под которым эго-документ подает эту самую международную жизнь или ее отдельный срез.

Представляется новаторским логичным суждение Н.В. Суржиковой о дефиниции «источники личного происхождения», которая отражает происхождение документа, в то время как термины «законодательство», «статистика», «делопроизводство», «периодика» и пр. означают его назначение. Исследовательница полагает, что употребление именно термина «эго-документы» позволит вывести из тени других исторических документов источники личного происхождения [3, с. 10].

Приоритет историки-международники отдают официальной документации, преимущественно договорам и разного уровня соглашениям, которые знаменуют собой продолжительные процессы во внешней политике государств. И для их реконструкции, вернее воссоздания того пути, который прошли участники до достижения окончательной или промежуточной договоренности необходимо привлечение как официальных, так и частных источников. Эго-документы дают возможность конструирования истории международных отношений не только с позиции стран, но и людей. При чем речь идет не только о выдающихся государственных деятелях, принимающих внешнеполитические решения, но и современников, наблюдающих на события со стороны.

Сложность с определением места эго-документов в изучении истории международных отношений объясняется необходимостью соблюдения баланса между официальным уровнем событий и ярко выраженным личностным началом источника, которые зачастую могут противоречить друг другу. С другой стороны, требование строгой точности в изложении и анализе событий международной жизни делает исследование сухим, схематичным и безликим. Возвращаясь к трактовке международных отношений Э. ди Нольфо как совокупности разнообразной человеческой деятельности, нужно отметить антропоцентричность данной формулировки проблемы. В этой связи резко возрастает значимость источников личного происхождения в исследовательской практике.

Дневники, мемуары, разнообразное эпистолярное наследие обладают набором специфических черт, которые необходимо учесть историку при конструировании того или иного факта. Дневники имеют автокоммуникативную направленность, коммуникация является целью писем и мемуаров. В мемуарах присутствует установка на воссоздание исторически конкретной действительности, от описываемых событий автора отделяет продолжительный хронологический промежуток, и он описывает события ретроспективно. Дневник отражает реальность синхронно. В эпистолярном наследии может присутствовать и та, и другая направленность во времени. Однако, общим признаком будет высокая степень индивидуальности и субъективности. С одной стороны, это уводит исследователя от искомой строгости и точности в изложении событий международной жизни, а с другой – позволяет посмотреть на неё с различных ракурсов и на разных уровнях, выявить роль личности в том или ином процессе, явлении, ситуации.

Эго-источники, характеризующиеся непрямым присутствием «Я», в большей степени отражавшие не столько события, сколько состояния, которые связаны, но отличаются от эго-истории. Значимость эго-документов в конструировании фактов международной жизни определяется неполнотой сведений, предоставляемых официальными источниками. Договоры, нотная переписка, соглашения, донесения и т.д. предполагают формальность структуры и содержания. Это свойство влияет на информационный потенциал источника, порой они не открывают истинные цели внешней политики. Ряд официальных правительственных документов может быть засекречен и историки не имеют к ним доступа. Поэтому при практической работе исследователя-международника сразу же возникает целый ряд недоговоренностей и замалчиваний информации официальными источниками. Минимизировать этот эффект можно именно с помощью привлечения источников личного происхождения, в которых авторы могут позволить себе сказать гораздо больше по причине высокого доверия к адресанту. Если речь идет о мемуарах, то по прошествии времени с момента описываемых событий появляется возможность говорить более открыто.

Проблема достоверности сведений эго-документов не утрачивает своей актуальности и сложности в контексте международной проблематики. Современные ученые руководствуются понятием достоверности, выработанным неклассической наукой. Наряду с достоверной информацией источника, историка интересует субъективность автора и его мировоззрение. В изучении истории международных отношений эти аспекты не должны сбрасываться со счетов. Признание чужой одушевленности выводит исследователя на новый уровень, когда возникает потребность в сравнении восприятия события разными сторонами и участниками, в сопоставлении, рефлексии и поиска объяснения искажения или умалчивания автором о событиях, процессах, явлениях внешней политики. По принципу цепной реакции должен актуализироваться целый спектр новых проблем, которые для истории международных отношений достаточно

новы – этничность, имагологические аспекты международных отношений, отдельные аспекты влияния повседневности и т.д.

Таким образом, в условиях современного состояния исторической науки, когда осуществляется переход от изучения истории событий к исследованию истории состояний [3, с. 6] маргинальность эго-документов в истории международных отношений выглядит анахронично. При соблюдении разумного баланса необходимо расширение сферы их практического применения, и одновременно, теоретическое осмысление места источников личного происхождения в кластере источников истории международных отношений.

1. Биск, И.Я. Методология истории: курс лекций / И.Я. Биск. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. – 236 с.
2. Коломийцев, В.Ф. Методология историка (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев – М.: Росспэн, 2001. – 191 с.
3. Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н.В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург : АСПУр, 2014. – С.6–14.
4. Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы / Эннио Ди Нольфо // Уральский вестник международных исследований. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С.9–34.

Дубровский А.М.

СТЕНОГРАММА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКОМ

Стенографические записи разнообразных заседаний составляют заметный пласт источников по отечественной истории советского периода. В отличие от протокольных записей, стенограмма доносит живые голоса исторических персонажей, кипение страстей, степень напряженности собрания. Поэтому так важен анализ накопленного опыта, формулировка хотя бы некоторых итогов работы с этим источником. В центре внимания настоящей работы – новейшие исследования, в которых использованы стенографические записи.

В практике исследовательской работы давно известны стенограммы партийных съездов и конференций. Обращаясь к этим источникам, историки могли использовать только опубликованные тексты. Кроме того, в советское время возможность цитирования этих источников была ограничена, исходя из навязанного принципа «не давать трибуны идейному врагу». В последнее время в исследовательской практике при изучении отечественной истории XX в. наблюдается использование и стенограмм, взятых из архива, и материалов, которые их сопровождали. Интерес, который вызвали эти стенограммы, был настолько велик, что часть из них была опубликована. По содержанию заседания и стенограммы, их отразившие, в первом приближении могут быть разделены на две группы.

Первая – стенограмма доклада и его обсуждения. Примером такой стенограммы является стенограмма доклада М.В. Нечкиной 1941 г. «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» и частично сохранившиеся материалы обсуждения доклада [5]. Ценность этой работы Нечкиной определяется тем, что она имела концептуальный характер и была представлена научному сообществу в ту пору, когда историки занимались формированием новой концепции отечественной истории. Для истории науки имеет значение и точка зрения докладчицы, и те соображения, которые были высказаны в ходе обсуждения доклада, тем более что среди выступавших были виднейшие специалисты того времени. Последующие высказывания Нечкиной о ее работе, рабочий дневник исследовательницы помогли восстановить картину созревания замысла и создания ее труда. Такого же рода отрывочные, но, тем не менее, ценные воспоминания оставили некоторые другие участники обсуждения доклада, что позволило реконструировать обстановку, в которой он прозвучал. А.М. Панкратова переслала в ЦК партии стенограмму доклада и его обсуждения. Там на полях доклада и стенограммы одного дня обсуждения Г.Ф. Александров сделал ряд пометок – вопросов, замечаний, графических значков, что позволяет говорить о реакции людей власти на происшедшее в Институте истории обсуждение. Видно, что эта реакция была более критичной, чем реакция историков. Позже в аппарате ЦК была составлена справка, в которой освещалось содержание доклада Нечкиной с идейно-политической оценкой позиции его автора.

Понятно, что М.В. Нечкина искренне и точно выражала свои воззрения в докладе, эта часть стенограммы достойна доверия. Выступавшие нередко осторожничали, находясь под давлением обязательного марксизма, здесь могла сработать боязнь сказать что-нибудь «не так».

В большей степени информативна стенограмма совещания историков в ЦК партии в 1944 г. и сопровождающие ее материалы: предшествовавшие совещанию и последовавшие после со-